

Массовые изнасилования как часть военного этоса

Елена Мещеркина

Общества всегда очень пристально и с сочувствием следили за судьбами солдат, вернувшихся с войны, особенно несправедной и бессмысленной. Об этих неприкаянных людях пишутся романы, снимаются фильмы, для них организуются реабилитационные фонды. Но общества уклоняются от признания других многочисленных жертв войны — изнасилованных и убитых женщин. Погибающие на войне мужчины удостоиваются чести героев, им возводятся памятники. Изнасилованные и убитые женщины не числятся в героях, им не ставят памятников. Те, кто выжил, носят свое унижение в себе.

Если вспомнить газетные публикации об афганской, армяно-азербайджанской, сербско-хорватской, грузино-абхазской и других войнах, поразит не только количество убитых и раненых, но и ужасающие страдания мирного населения. В середине 90-х в телепередаче из бывшей Югославии один из «универсальных» солдат рассказывал, что за каждый автобус с женщинами для утех, который он отправлял к солдатам, он получал 200 немецких марок. Если у него не хватало сербских женщин, годились хорватки и мусульманки.

Такую же сумму, согласно другому свидетельству, получал воин из противоборствующего лагеря, поставлявший официанток для солдатского бара, где их заставляли обслуживать посетителей голыми. Женщины не могли отказаться или убежать, так как им угрожали смертью. И происходило это не где-то на краю света, а в обычной деревне на линии сербско-хорватского фронта.

А вот рассказ одного из солдат: «Я знаю только, что я был двадцатым. Ее волосы слиплись, она была противно возбуждена и полна спермы. В конце я убил ее».

После американской войны во Вьетнаме многие феминистки занялись поиском свидетельств сексуальных злоупотреблений. С тех пор собрана масса материалов, накоплены архивы свидетельств, историография «вопроса» превратилась в научную университетскую дисциплину — «насилие над женщинами». Феминистская рефлексия заставила заново перечитывать исторические источники, обнаруживая неизменный факт сексуальных злоупотреблений во всех войнах наших цивилизаций. Оказалось, меняются режимы, исчезают и появля-

ются культуры, но вечен архетип, сквозящий в ницшеанском принципе: «Мужчина должен быть воспитан для войны, женщина — для отдыха воина».

Изнасилования женщин признавались законным солдатским правом в римских войнах 6 века, в столетней войне между Францией и Англией, во времена господства королей Эдуарда Второго, Эдуарда Третьего, Короля Георга... Известный историк А. Тойнби собрал подробные документы об изнасилованиях женщин во время Первой мировой войны. «От Льежа до Лувэна немцы прорезали коридор террора. Дома были сожжены дотла, деревни разграблены, гражданское население заколото штыками, женщины изнасилованы».

Сообщение В. Молотова, советского министра иностранных дел, в январе 1942 года завершалось описанием сексуальных злоупотреблений вермахта на оккупированных территориях: «В украинском селе Бородаевка фашисты изнасиловали каждую женщину и каждую девушку... В деревне Березовка женщины и девушки от 16 и до 30 лет были схвачены и угнаны пьяными немецкими солдатами».

Но и по другую сторону фронта творилось то же самое. На берлинском кинофестивале 1992 года феминистка-режиссер Хельке Зандерс представила документальный фильм, повествующий о том, что в 1945 году солдаты Советской Армии изнасиловали миллион женщин в Польше и Восточной Германии. Старые женщины, которым тогда было по 15–16 лет, рассказывали в камеру, что были изнасилованы до ста раз. Об этом речь и у А. Солженицына в его «Архипелаге Гулаге»: «Да, шла война в Германии... и каждый из нас точно знал, что мы могли их изнасиловать и расстрелять. То было почти целью сражения».

Это же сформулированное право на изнасилование на войне или его моральное оправдание представлено в книге Милована Джиласа «Разговоры со Сталиным». Джилас спросил у кремлевского вождя, почему русские солдаты, которые пришли в 1945 как освободители, насиловали и убивали женщин на Воеводине? Сталин ответил: «Джилас, Джилас! А разве не знает Джилас, который сам писатель, человеческое сердце и его страдания? Он не может понять, почему солдат, который прошел тысячи километров через кровь, огонь и смерть, хотел бы иметь немного удовольствия с женщиной или стащить какую-нибудь мелочь?».

Уже относительно недавно группа корейских женщин потребовала от японского правительства компенсации ста тысячам кореянок, угнанных в сексуальное рабство во время войны между Кореей и Японией в 1930–40 гг. на Тихоокеанских островах. Они рассказывали, что должны были обслуживать до 15 солдат ежедневно.

А вот признание нашего солдата, участвовавшего в афганской войне: «Баб их тоже особо не жалели... Природа же требует своего... Изнасилованные

афганки потом сами просили, чтобы их в расход отправили — все равно свои убьют, не простят позора».

Во время захвата Кувейта в 1990 году иракские солдаты насильовали и истязали женщин любого возраста. Поскольку аборт в Кувейте запрещен, после освобождения страны женщин принуждали к вынашиванию беременности, но новорожденных детей убивали кувейтские мужчины — это ведь были дети врага.

Поразительно, но факт: массовые изнасилования были и остаются спутниками любой войны. Уже агрессивная геополитика видоизменяется в экономическое давление, политики глобализации, уже в окопах можно увидеть телевизоры, еще в разгар военного конфликта в страну-объект агрессии спешит гуманитарная помощь, разворачиваются лагеря и госпитали Красного креста — война явно «гуманизируется». Но это впечатление обманчиво, оно не затрагивает сути военного этоса: захвати землю врага, его дом, изнасилуй его жену или дочь как часть собственности противника. Унижение и разрушение собственности врага повышает боевой дух воина, укрепляет его чувство уверенности в своей мужской силе и превосходстве своего народа или своей армии. Каждый из его товарищей делает то же самое, крепя групповую солидарность, канализируя собственное чувство агрессии. Являясь инструментом военной машины, солдат превращает практики изнасилований в важный институт войны в гетеросексуальном обществе. При этом трудно различить изнасилование и военную проституцию. Принуждение силой или деньгами — в равной степени плод милитаристского представления о том, что солдат имеет право владеть женщиной побежденного. «Победителю принадлежит трофей!» — девиз еще Древней Греции.

Может быть, в условиях войны смерть, стоящая за спиной, пробуждает в людях темные архетипические реакции, рядом с которыми все культурные наслоения облетают как шелуха? Война как крайняя форма коллективного конфликта порождает особое внеморальное пространство, на условной территории которого не действуют 10 заповедей, хотя они относительно и сами по себе. Узурпация божественного права на жизнь и социального — на достоинство оборачиваются «смертью бога» как доведение до предела, как переход-трансгрессия запретов, особенно касающихся жизни, смерти, сексуальности — основ бытия. Философия XX века открыла родственность истребления и потребления, вышедшего за границы антропологического минимума. Избыток, излишек, предел, отражающиеся в феномене военных изнасилований, которые совершаются крайне жестоко и напоказ, помещают насилие в модель символически демонстрируемого потребительского поведения в группе. С одной стороны, это — сексуальная разрядка как мгновенное потребление и выброс сексуальной энергии, с другой, — уравнивание Танатоса и Эроса как составных частей нормальной для войны повседневности, в которую встроены и случайная смерть, и «немного удовольствия с женщиной», словами Сталина.

С феминистской точки зрения, военные изнасилования представляют собой коллективное действие, в ходе которого утверждается собственная власть, а также ментальное удовлетворение от принадлежности к стану «настоящих мужчин». Причем это понятие «настоящий мужчина» в данном контексте по сути не судьба или предопределение, а социальная конструкция подчеркнуто гегемонической маскулинности, построенной на профессионализации насилия. И как всякая профессия, она обладает своей этикой и ответственностями, распространяемыми только на посвященных. Солидарность — только со своими, насилие по отношению к не своим — долг, месть за смерть товарища может заменить идеологию конфликта.

Есть ли у военных изнасилований черты, отличающие их от изнасилований в мирной гражданской жизни? Называются в целом три характерных признака.

Прежде всего, это публичный акт. Враг должен видеть, что происходит с его «собственностью», поэтому мучители часто насилуют женщин перед их родным домом. Это акт против супруга (символически отца нации или лидера противника), а не акт против женщины. Сам факт изнасилования уже показывает, что насильник исходит из отсутствия у женщины собственной воли, собственного тела или желания. Поскольку унижение жены врага — символ победного завоевания, то само это унижение обставляется по возможности ужасно и театрально: у женщин вырывают волосы, отрезают части тела, связывают веревками.

Второй признак военных сексуальных злоупотреблений — групповое изнасилование. Боевые товарищи творят его в едином согласии: каждый должен быть как другие. Это отражает постоянную групповую потребность крепить и воспроизводить солидарность. Гомосоциальная сплоченность нуждается в постоянном подкреплении, будь то распитие спиртного, понимание одних и тех же шуток, или обмен похожими эмоциями. Когда «стрелять и факать», по выражению одного сербского солдата, является жизненным кредо воина, то изнасилование и смерть образуют вместе одну парадигму, которая отражает заданную женщинам роль на войне.

И, наконец, третий признак военных изнасилований — убийство женщины после сексуального насилия. Как мы знаем, женщина не является героем войны, если ее убивает солдат. Правда, и сам солдат не приобретает за это почестей. Казалось бы, достаточно факта изнасилования, и все же женщин убивают. В нарративах солдат, убивших свои жертвы насилия, тем не менее сквозит некое дискурсивное оправдание своих действий: сами попросили, ведь как после этого жить. То есть смерть выступает своего рода очищением и спасением по сравнению с жизнью этих женщин после совершенного над ними насилия. Возможно, на войне исключительно ярко возрастают самооправдывающая сила и самооправдывающее право на насилие и убийство.